

ГЛАВА 1

Меня трясло так впервые за все мои тринадцать лет жизни. Будто тисками сдавило голову, а сознание отошло куда-то на второй темный план, уступив место всеобъемлющему ужасу и одному подавляющему стремлению — бежать! Но даже бежать я не мог, а только рухнул на колени.

Начальник штаба полка взволнованно бросился ко мне:

— Сашка, что с тобой?

— Отсюда! Все отсюда! — из последних сил закричал я.

В той украинской мазанке кроме меня было три человека — все командование полка. Испугавшись, они вытащили меня, юного красноармейца, во дворик, на свежий воздух. Успели вовремя. Мазанку накрыло польским снарядом. Красиво она разлетелась. В пыль и в хлам. Но зато выжили все, хотя без контузий не обошлось.

Этот случай настолько потряс всех чудом спасенных, что его долго предпочитали не вспоминать. Было в нем что-то запредельное, не от мира сего. А мне это ощущение близкой смерти и стремление вырваться из ее цепких лап не раз потом

спасало жизнь и в боях, и на службе в ОГПУ. Оно и неудивительно. Кто смерть чувствует, у того жизнь длиннее.

Вот и сейчас меня будто обдало потусторонним холодом. И я ощутил присутствие ее, костлявой. Не резкое и опасное, зовущее к немедленному действию, а вязкое, растянутое во времени и в пространстве. А еще я ощутил укол в затылок — как от недоброго взгляда.

Вздыхнув поглубже свежий ночной майский воздух, я почувствовал, как в голове становится яснее и тревога отступает. Чего я переполошился? Психиатры утверждают, что есть такая болезнь — мания преследования. Это когда враги с вилами и обрезами за каждым кустом мерещатся.

Но тревожило еще и то, что время давно вышло. А покупателя как не было, так и нет.

Информацию мне принес в клювике мой осведомитель со звонким псевдонимом Пономарь, да еще так бодро верещал и крылышками бил в надежде на начальственную похвалу и заслуженную премию. В общем-то сама информация была неопределенная и вроде как ни о чем. Какой-то юный старообрядец-сектант, которого только по имени и знают — Савва, должен принести какой-то очень дорогой и, может, даже запрещенный предмет, связанный с отправлением религиозного культа, покупателю и получить за него что-то тоже важное и весомое. Нормально так, в лучшем стиле русских

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

народных сказок — неизвестно, непонятно, таинственно, но здорово!

Связываться с этим у меня сильного желания не было. Все же признаков контрреволюционной деятельности я в упор не видел. А кто-то кому-то что-то продает — так это не наше дело. Хотя, как положено, доложил своему любимому начальнику. И Раскатов неожиданно оживился:

— Надо брать!

— А за что? — не понял я.

— Ну там спекуляция, противоправный оборот чего-нибудь. У нас башка большая, придумаем, — в обычной своей грубой манере ответил Раскатов, шарахнув привычно ладонью по столу.

— Максимилиан Данилович, а смысл есть? — с сомнением поинтересовался я.

— Надо не на каруселях в парке кататься, а директивы из Москвы читать. Или они для дураков написаны, а ты у нас умник? — с готовностью встал на дыбы начальник, припомнив, как однажды увидел меня с женой в очереди на «Чертово колесо» в городском парке. — Там ясно написано: «...пристальное внимание уделять поиску и изъятию уникальных культовых предметов, особенно связанных с сектами и тайными обществами».

— О как!

— В общем, бери Сына Степей. И представить перед мои очи торгашей и предмет торга... Вы все поняли, Александр Сергеевич?

— Так точно, — вздохнул я.

И вот затаились мы, боясь дышать. Как там сказано в горячо полюбившемся мне романе «Двенадцать стульев»: «Гаврила ждал в засаде зайца». Один «заяц» давно на месте, а другого все не видать. А тревога никуда не девается. И светать уже скоро будет.

Точку наблюдения я выбрал в редком кустарнике на пригорочке, расчистил угол обзора. Спрашивается, зачем для банального акта купли-продажи выбирать такое запущенное место? Это было здание старого винного склада за рекой, город здесь присутствовал, но как-то ненавязчиво. Три года назад тут пылал большой пожар. Целыми остались только длинный закопченный остов бывших винных складов купца Евграфьева и несколько кривых, покосившихся, приземистых кирпичных строений тоже складского назначения, образующих некое подобие городского квартала. Позже место расчистили от погоревших домов и хотели что-то строить, потом забросили. Сейчас вокруг зеленел кустарник, ближе к воде росли плотным строем камыши.

Местечко издавна считалось гиблым, селились в нем люди с большой неохотой. И ныне предпочитают обходить его стороной, считая, что ночами здесь собирается всякий уголовный сброд. Но только и сброд тут бывает редко.

Ну все, пора и честь знать. Время вышло.

Я подал условный знак — крик одинокой и жутко озабоченной птицы, как в разведке Рабо-

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

че-крестьянской Красной армии учили. И вскоре кусты зашуршали, возник Амбага — приземистый, юркий и страшно говорливый мой ровесник, вечно возмущенный чем-то и взъерошенный, как воробей. Тут же принялся нашептывать, что контра совсем от рук отбилась, никуда вовремя прийти не могут.

— Брать пора продавца, — решительно произнес я.

— На чем брать? Покупатель еще не пришел, — возразил мой соратник.

— Вряд ли уже придет. И вообще, не нравится мне это.

— Мне как-то тоже, — согласился Амбага. — Зябко и жрать нечего.

— Тебе бы только жрать, — хмыкнул я, аппетит у соратника, несмотря на его тщедушное телосложение, был завидный, даже легендарный. — Решено. Пошли. И осторожнее.

— Не учи степняка, — гордо ответил Амбага.

Был он по национальности монголом, но его предки давным-давно переехали в нашу область, так что монгольского языка он не знал, в степи ни разу не был, но всегда гордо козырял при любом случае «мы, степняки», за что получил в отделе прозвище Сын Степей.

Я извлек из-за пояса свой старый добрый «наган». А Амбага достал откуда-то из кармана просторной холщовой куртки тяжеленный фонарь

с аккумуляторами — немецкий, большая редкость и вещь в нашей профессии сильно полезная.

Тропинка в траве была натоптанная, что намекало на присутствие время от времени людей. Я споткнулся о какую-то подлую каменюку, отбив ногу. Потом, опасаясь поднять шум и ступить в нечистоты, которых здесь богато, мы пробирались между почерневшими от огня покосившимися кирпичными строениями. Мне все казалось, что они прямо сейчас рухнут нам на голову горным обвалом, погребя отважных чекистов. «И никто не узнает, где могилка моя».

У главного и единственного входа в складское помещение мы встали по обе стороны двери и прислушались. И опять я будто ощутил укол чьего-то недоброго взгляда. Огляделся. Никого. Да что же это со мной!

Набрав в легкие побольше воздуха, стараясь двигаться мягко и бесшумно, мы шагнули в помещение.

Там было пыльно, глухо, лежали доски, истлевшие корзины, по которым заскользил луч фонарика.

Прошли через пару извивающихся коридоров. По идее, где-то впереди должно было быть большое складское помещение.

— Выключи фонарь, — прошептал я.

Свет погас. А впереди я увидел бледное желтое свечение. Свет мерцал слабо. И манил нас, как мотыльков.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Я вбирал в себя все звуки, потоки, запахи, сквозняки. И осторожно продвигался вперед. Сейчас главное, почувствовать чужое присутствие раньше, чем почувствуют тебя. Шаг за шагом...

Никакого постороннего шума, чужого движения я не ощущал. Нет здесь никого? А куда делся юный старовер?

Я стиснул рукоятку «нагана». Нервы были на взводе. Место мне не нравилось все больше. Тревога нарастала. И я готов был стрелять при малейшей опасности.

В дверном проеме открылся большой складской зал. Он был слабо освещен догорающей в центре огромной церковной свечой, такие используются при особо торжественных богослужениях.

— Пошли, — кивнул я.

Присутствия чужих я все так же не чувствовал, но что-то холодное и нехорошее здесь имелось.

Амбага включил фонарь, мазанул лучом света по стенкам, по ровному каменному полу и удивленно воскликнул:

— Ух ты. Звезда красная. Прямо как с плаката.

Он высветил на полу звезду, нарисованную бурой краской.

— Ну да, партсобрание тут было, — хмыкнул я, ощущая, как ледяная змейка ползет по спине.

Не наша это была звезда. Не с плаката и не с буденовки. Хотя бы потому, что на ее концах краснели непонятные символы. И по причине начи-

танности и интеллигентности, мало свойственным людям нашей беспокойной профессии, я знал, что это означает.

— Гниль здесь, Амбага, — процедил я. — Надо внимательно осмотреться.

Впрочем, долго осматриваться не пришлось. Еще один пробег вокруг — уже помедленнее — луча фонарика. И вот она, темная масса в самом углу, на полу, предварительно очищенном от мусора, деревяшек и разломанных винных бочек.

Юный продавец по имени Савва лежал, раскинув руки и ноги, тоже в форме звезды. В груди его торчал кинжал с длинным лезвием и массивной серебристой рукояткой, который пронзил грудь и пришил к ней старинную тонкую книжку без обложки. Безжизненное тело располагалось строго в центре начертанного чем-то весьма похожим на кровь треугольника.

— Ох ты ж пердимонкль какой! — ошарашенно воскликнул Сын Степей.

ГЛАВА 2

— Ты меня тревожишь не на шутку. Какой-то сам не свой. Дома не ночуешь. Выглядишь как привидение. — Варя критически оглядела меня с ног до головы — помятого, небритого и совсем непрезентабельного. Раздумывала сейчас, наверное: и зачем ей такое сокровище? Хотя нет, не раздумывала.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Потому как я действительно сокровище — ну, конечно, с большой натяжкой и под определенным углом зрения.

Вернувшись с ратных подвигов, нашел я родную жену в специальном помещении областной больницы номер один, где она закладывала в автоклав хирургические инструменты с целью их стерилизации для последующего рассекания и сшивания человеческой плоти. Работа такая. Кто-то людей дырявит, как я. Кто-то сшивает, как Варя. И все в рамках одной семьи. Диалектика, однако. Единство и борьба противоположностей.

— Работа заела, — виновато развел я руками. — Ночная смена. Как говорится в народе — работа огородная, да слава всенародная.

— И много славы наработал? — улыбнулась Варя, раздумавшая пилить меня за то, что исчез, ничего не сообщил и шатался неизвестно где.

— Да какой там, — махнул я рукой. — Одни расстройств и никаких лавровых венков.

— Давай чаем тебя напою с бутербродами, герой, — сказала жена.

Автоклав запищал. Варвара достала и разложила угрожающего вида инструменты. Водрузила их на положенное место. И мы отправились в ее сестринский кабинет.

Вскоре я сидел за раскачанным металлическим столиком. Вот сколько уже Варя сменила больниц, а столики везде такие — металлические и раскачан-

ные. И чай все такой же из ее рук — с волшебным ароматом и изумительным вкусом. У нее вообще все получается на пять баллов, о чем я, закоренелый троечник, могу только мечтать.

Всегда, когда я вот так сижу, мелкими глотками глотаю ароматный чай, а Варя смотрит на меня своими бездонными глазами, тут и снисходит истинное умиротворение. Все проблемы будто отдаляются, усталость отступает.

А вымотался я прилично. Бог с ней, с бессонной ночью. Даже риск, опасность и труп на полу не так действовали. Но последовавшая, казавшаяся бесконечной, суэта с формальностями. Рапорта, осмотр места происшествия... Ух, врагу не пожелаешь. Да и некий шок от увиденного тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Я с удовольствием балуюсь чтением легкой беллетристики. Особенно будоражат кровь разные готические романы, которые были модными перед самой революцией, и до сих пор ими завалены букинистические лавки. А в этой литературе любимая тема — всяческие темные ритуалы. Именно такие — с пентаграммами, малопонятными значками и человеческой кровью. Конечно, драматизм и эффекты, которые больше годны для кино, я люблю. И, читая про ужасные кровавые действия, я бы непременно был доволен таким поворотом сюжета, ведущим к раскрытию страшных потусторонних тайн. Только вот это был не готический

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

роман, и кровь пролилась настоящая. До сих пор перед глазами тело юнца, которого прокололи кинжалом, как какую-нибудь редкую бабочку иголкой. И появившиеся в связи с этим тайны вовсе не звали в романтическую даль и к волнительным приключениям, а легли тяжелым грузом на мои плечи, потому что искать ответы предстоит мне. И не факт, что это вообще удастся. Как говорят, жди ответа до лета.

После обнаружения нами тела началась толкотня, как в очереди за хлебом. Незамедлительно возникла масса народа. Тут тебе и милицейский наряд, и дежурный из нашего постпредства, и следственно-оперативная группа из сотрудников угрозыска и следователя прокуратуры. Криминалист добросовестно щелкал фотокамерой с магниевой вспышкой, а потом опылял поверхности порошками, пытался перенести на дактилоскопическую пленку Рубнера следы пальцев рук. Энергично, как тигр в клетке, мерил шагами пространство как всегда выглядящий веско и благородно Вениамин Ираклиевич Яцковский, роняя время от времени свое весомое судебно-медицинское слово.

Судмедэксперт Яцковский — это вообще отдельная тема. Я знал его достаточно хорошо. Он работал хирургом, и Варя, не раз бывавшая у него операционной сестрой, утверждала, что специалист он очень сильный. Заодно по совместительству он подрабатывал в отделе судебных экспертиз. Так что время от времени мы с ним встречались в больнице

номер один и на местах происшествий. Был он высок, атлетичен, статен, вальяжен, полон снисходительного мужского обаяния. Женщины в его присутствии таяли как воск. А во мне поднималась иррациональная волна ревности, когда я думал, что как воск может растаять и моя Варвара. Хотя, конечно, волновался я зря. Ревность — чувство реликтовое. А если твоя женщина растает при виде фактурного самца, ну, значит, такой у нее выбор и ты в ней ошибся. Но только не ошибся я в Варе ни на йоту и знал это наверняка.

— Причина смерти — колотая рана, — диктовал бодро и быстро, как заведенный, Яцковский. — Жертву оглушили ударом по голове, тупым тяжелым предметом. Мне кажется, что били кулаком. Для этого нужна приличная физическая сила, чтобы в лоб сшибить. После этого уложили, придав нынешнюю позу. И пришили одним очень сильным ударом. Пробить сразу книгу и грудь — это постараться надо. Красиво сделано. — Он аж причмокнул.

Я не раз замечал, что он как-то преображается, когда осматривает безжизненные тела. Что-то хищное, мутное и слегка безумное возникает во взоре, как у большинства патологоанатомов и хирургов, считающих человека лишь машиной, притом с коряво подогнанными и изношенными деталями.

— Кроме того, что убийца здоров физически, что можете сказать? — спросил я.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Могу сказать, что такого я за почти пятьдесят лет своей жизни не видел...

При тщательном осмотре места происшествия картинка стала в целом понятной.

Мы были уверены, что из винного склада имеется всего лишь один выход. Но оказалось, что под комплексом строений существует запутанная система подвалов, которыми и воспользовался убийца. Почему бы ему не заявиться, как приличные люди, через парадное? Или засек нас?

Убийца с жертвой встретились на складе. Потом произошло страшное. Интересно, расправа была запланированная или спонтанная?

Убитый — невысокий сухощавый парнишка лет, думаю, двадцати, с мозолистыми руками, свидетельствующими о привычке к тяжелому физическому труду. Никаких документов или предметов, позволяющих установить его личность, при нем обнаружено не было. Кто это такой, откуда взялся?

И книга на его груди. Она была старинная, без кожаной обложки, рукописная, а не напечатанная, всего на несколько десятков листов. Ей минимум лет двести. «Книга толкований». Как я понял, переписанные от руки избранные места творения протоппа Аввакума. Вещь в общем-то не редкая, но в связи с возрастом относительно ценная. И не заслужившая, чтобы ее проткнули кинжалом.

Я отхлебнул чая, встряхнул головой, отгоняя еще свежие воспоминания и пытаюсь переключиться

с рабочего ритма на ритм душевного отдохновения. Но произошедшее меня не отпускало и тянуло за язык, притом так, что противостоять этому было невозможно. Мне хотелось высказаться. И чтобы кто-то посочувствовал моим трудностям. А кто умеет сочувствовать лучше, чем Варя? В этом деле она истинный профессионал.

— С твоим хирургом работали, — сказал я, прихлебывая чай.

— Что, убили кого? — встревожилась Варя.

Напускать туману и делать из всего тайну смысла не было. Все равно вскоре весь город будет знать и полниться слухами. И я выложил ей коротко, без подробностей, наши похождения на винном складе.

Она изумленно смотрела на меня. А потом воскликнула:

— Жертвоприношение!

— Думаешь?

— Саша, это классическое жертвоприношение!

— Кого вы тут в жертву приносите! — послышался громовой голос.

И на пороге возник Богдан Чиркаш собственной персоной. Заведующий идеологическим отделом обкома, пламенный оратор и вечный пациент горбольницы номер один. Раскатов, поднаторевший давать всем прозвища, именовал его Идеологом.

— Пока что только примеряемся, — шутканул я в ответ и тут же прикусил язык, потому как шутки до Чиркаша доходят с трудом, зато бдительная